

Секция «Философия. Культурология. Религиоведение»

Радикализация принципа историзма: от классики к неклассической философии

Либерман Самсон Александрович

Студент

Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, Философский факультет, Казань, Россия

E-mail: tupitsa@list.ru

1. Принцип тождества бытия и мышления не является достижением или положением какого-то определённого вида философий, например идеализма, он является базовым, исходным принципом-вопросом с которого и от которого только и может начаться любое философствование как размышление о сущем: «Связка „есть“ в (обратимом) онтологическом суждении „бытие есть мышление“ содержит априорную поэтику и логику перехода от сущего „не по существу“ к сущему „по существу“ [Ахутин, 2007, С. 105]

2. Переход от классической философии к неклассической, происходящий на рубеже XIX-XX веков, как и любой другой смысловой поворот в философии, связан так или иначе с пересмотром ключевых, основных, лежащих в начале, положений философии, положений, связанных с трактовкой тезиса о тождестве бытия и мышления. Различие этих философий – суть различие в трактовке «фигуры» тождества, смысловой связки «есть»: «различие метафизик свидетельствует о возможности различных смыслов и логических содержаний связки „есть“ в основополагающем метафизическом суждении «мышление есть бытие, бытие есть мышление»: как именно бытие есть мысль, как именно мысль есть открытость бытия, как она обретает форму и значение бытия» [Ахутин, 2007, С. 92]

3. Сегодня принято считать, что историзм, наряду с гуманизмом и рационализмом, является базовым основным принципом эпохи Нового времени, а значит и классической философии [3]. Но нельзя утверждать, что философия неклассики осуществляет разрыв с этими тремя принципами, или отход от них. Да конечно, неклассика – это, прежде всего, иррационализм, ницшеанский антигуманизм в различных своих вариациях, критика и пересмотр принципа историзма. Однако нельзя забывать, что иррационализм – это всегда рациональная конструкция, антигуманизм, особенно в исполнении самого Ницше всегда представляет собой превознесение возможностей и значения отдельной личности, а критика историзма не может не иметь своим методологическим основанием всю ту же логику историзма. Неклассика по сути своей – это последовательное доведение до конца логики историзма, гуманизма и рационализма, обращенных, направленных в первую очередь на самих себя. Неклассика упрекает классику в первую очередь за несоблюдение пропагандируемых ими принципов, можно сказать, что основная претензия неклассики к классике – это недостаточная классичность.

4. Подобное обращение историзма, гуманизма и рационализма к своим метафизическим основаниям Ахутин называет «радикализацией философии» вообще: «радикализация философского вопроса (восстановление философии как первичного вопроса) выражается в том, что с разных сторон ставится под вопрос классическая форма универсального философского ответа: моно-логичная метафизическая онто(тео)логия». В этом

и заключается уникальность неклассической философии: «Начало философии — радикальная озадаченность существом существования — становится наконец ведущей темой философии, и философия, можно сказать, впервые приходит в себя. . . Взаимоозадачивающий спор, сократический диалог эпохальных онто-логических начал становятся не только собственной формой философии, но и ее настоящим содержанием» [Ахутин, 2007, С.31]. Её уникальность – в способности увидеть *другую логику*, и это принципиальная заслуга историзма.

5. К тому же принцип историзма является отличной иллюстрацией поворота рубежа XIX-XX веков. Более того историзм является основной движущей силой этого поворота. Он оказывается заключительным движением, которым человек окончательно вроде бы выбивает у себя из-под ног последние метафизические опоры. Так что же такое этот самый историзм? Наиболее четко и ёмко суть историзма схватывает Гегель в первой главе Науки логики, где он предлагает принципиально иной подход к бытию, как к становлению, к осуществлению бытия, синтезу бытия и небытия. Строго говоря, у Гегеля осуществляется не бытие, а мышление через бытие, и становление есть момент диалектического тождества бытия и мышления. Как верно подмечают Перов и Сергеев в своей статье «Философия истории Гегеля: от субстанции к историчности» у Гегеля мы находим не просто субстанцию как основание мира, а субстанцию-субъект. [Гегель, 1993, С.17]

6. Однако гегелевская «субстанция-субъект» является всё же больше субстанцией, чем субъектом, гегелевский субъект – это ни в коем случае не индивид, это дух, и именно поэтому его философия истории остается классической философией, однако его положение о становлении становится краеугольным принципом неклассической антропологии, где человек объявляется квинтэссенцией становления, синтезом бытия и небытия. Вся неклассическая философия оказывается основанной на этом гегелевском принципе становления, отрицательной онтологии, в силу своей антропологичности. Однако разница между Гегелем и неклассикой очевидна: Гегель наделяет субстанцию характеристиками субъекта, придавая ей историческое измерение, неклассика же наделяет субъекта, то есть отдельное историческое существо, субстанциональными характеристиками. У Гегеля история – это продукт движения духа, способ его бытия, в неклассике же – продукт человеческой деятельности, способ существования субъекта, порождение себя из истории и порождение истории из себя же. Различие между классикой и неклассикой как раз и заключается в переходе от нововременной субстанции через гегелевскую субстанцию-субъекта к неклассическому субъекту, являющемуся последним основанием, абсолютном. Современный или неклассический историзм имеет принципиально иные метафизические основания, связанные с иным толкованием того, что Ахутин называет фигурой тождества: тождество бытия и мышления заключено теперь именно в человеческом бытии и сознании, поскольку никакого другого бытия и сознания, бытия вообще и сознания вообще неклассика не признает. Вот она, доведённая до конца логика гуманизма, рационализма и историзма: бытие, как и сознание, теперь всегда а) человечно б) является рациональной конструкцией в) исторично-конкретно.

7. И, конечно же, такому серьёзному сдвигу в человеческом миропонимании сопутствуют серьёзные изменения самого человеческого мира, связанные прежде всего с появлением массового человека, которое, конечно, тоже имеет свои причины. Почему человеку в неклассике отводится такое серьёзное место? Потому что нововременной

свободный субъект познания и деятельности почти исчезает, его вытесняет массовый человек. И каждый философ неклассической эпохи ощущает этого массового человека всеми фибрами своей души прежде всего потому, что он сам является таковым. Классический субъект становится проблемой, перестаёт быть данностью, потому что теперь, как мы помним, человек – это синтез бытия и не бытия, живое становление и для осуществления себя как субъекта вынужден прилагать колоссальные усилия. Он вынужден постоянно пробиваться к бытию, поскольку оно теперь не дано ему априорно, хотя и нигде кроме человека случиться не может.

8. Именно с этим связано как повальное увлечение философской и около философской публики восточными практиками, в частности буддизмом, так и различными другими духовными практиками по очищению сознания, уже Ницше называет свою философию буддизмом дела. Точно также отсюда, пусть и не только отсюда, вытекает и феноменология, и философия языка, и психоанализ, и экзистенциализм, и неомарксизм как западный, так и отечественный в лице Мамардашвили, Ильенкова, Щедровицкого и советской деятельностной психологической школы. Всех их связывает практическая ориентированность, установка на преодоление случайного или внешнего и устремление, усилие к собственному бытию, к точке его тождества с сознанием.

Литература

1. Ахутин А.В. Античные начала философии. Спб.: Наука. 2007.
2. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. Спб.: Наука. 1993.
3. http://www.riku.ru/lib/fil_zk/mezhuev.htm (Межуев В.Н. Как возможна философия культуры).